

Новая конституция для новой России

На вопросы журнала отвечает эксперт Конституционной комиссии Российской Федерации кандидат юридических наук ВИЛЬ КИКОТЬ

«ОНС» Виль Алексеевич, вы в качестве эксперта Конституционной комиссии участвовали в разработке «официального» проекта новой конституции России. После опубликования проекта он подвергся критике: одни его нашли антисоциалистическим и даже буржуазным, другие — содержащим слишком много элементов «реального социализма». Подвергается сомнению сам принцип конституции, регулирующей «все на свете», при этом напоминают, что мы переживаем переходный период и хотим уйти от чрезмерного вмешательства государства во все сферы жизни. В пример ставят лаконичную американскую конституцию, которая, как известно, исправно служит 200 лет.

В. К. Я думаю, что частые ссылки на опыт США, наблюдаемая у нас идеализация американской конституции не совсем обоснованы. Конечно, мы сейчас переживаем переходный период, и американская конституция тоже принималась в переходный для той страны период. Она принималась не в один прием: в 1776 г.— Декларация о независимости, в 1781 г.— статьи конфедерации, в 1787 г.— конституция федерации и в 1791 г.— Билль о правах, большая и важная серия поправок об основных правах личности. Были и другие поправки, правда, не так много.

Американскую конституцию мы не можем брать за образец вот по какой причине. Вспомним, что Англия, продолжателем правовых традиций которой во многом являются США, вообще живет без конституции. Там настолько высокое правовое сознание, что англичане обходятся обычными законами, судебными решениями, традициями.

Все конституции XVIII и большей части XIX вв. были политическими, т. е. касались почти исключительно государственного строя и политических прав граждан. А конституции конца XIX и особенно XX в. являются основными законами всех сторон общественной жизни, включают основные правовые принципы экономики, трудовых, семейных отношений, положения общественных организаций, печати и т. д.— все основные принципы действующего права. Американцы, введя в конце XVIII в. политическую конституцию, в основном следовали английскому пути: они не вводили в нее многих положений, которые оказались необходимыми для западноевропейских конституций в конце XIX и в XX в., «по-английски» закрепляя их в решениях Верховного суда и др.

У нас такой правовой культуры, таких условий нет! Поэтому, как и по ряду других причин, нам в этом плане ближе опыт западноевропейских государств, особенно наиболее всесторонних конституций середины и конца XX века.

«ОНС» Для вас были неожиданными критика и непонимание?

В. К. Видите ли, пока Конституционная комиссия работала (а за это

время, кстати, любой специалист мог прийти к нам со своими идеями), мы слышали критику другого рода. Нам часто говорили, что наш проект, может быть, и хорош, но он слишком хорош для того массового сознания, которое мы имеем.

Конечно, стереотипы политического и правового поведения формируются не только законом, но и общественной практикой. В нашем случае закон должен стать инструментом изменения практики. Чтобы он опережал практику и способствовал ее развитию, нам нужно закон тормозящий сменить на закон благоприятствующий.

Мне кажется, что в нашем проекте есть много очень важных и ценных положений, прогрессивный характер и полезность которых очевидны всем.

«ОНС» Например?

В. К. В качестве примера я бы привел «Основные принципы конституции» — первые ее 11 статей: государственный суверенитет; человек, его права и свободы как высшая ценность; народовластие, политический плюрализм и идеологическое разнообразие, запрещение устанавливать какую бы то ни было идеологию в качестве государственной; рыночное хозяйство, социальное государство (т. е. такое, целью которого является достижение благосостояния каждого человека и всего общества), разделение властей... Особое значение имеет принцип верховенства права, закрепленный в статье 9.

«ОНС» Почему права, а не закона? Это вовсе не так очевидно и требует разъяснения.

В. К. Поясню на примере. Все международно-правовые акты закрепляют равноправие людей независимо от их цвета кожи. А в Южной Африке еще недавно конституция содержала положение об апартеиде. Так вот, что бы они там ни писали в своей конституции, а люди все равно равноправны! Этого требует право, а закон, в том числе и конституция, должен выражать право, а не противоречить ему.

Непонимание могут вызвать и другие нормы, например положение о том, что конституция имеет прямое действие. Всегда у нас к Основному Закону относились как к пропагандистской декларации, и никакой суд не принял бы к рассмотрению иск, юридическим основанием для которого послужила бы та или иная статья конституции. Но эта практика должна быть изменена. Сюда же относятся и обязательность публикации законов, и признание норм международного права, международных договоров, подписанных Россией, частью ее внутреннего права. (До сих пор нередко бывало, что, скажем, Международная организация труда принимала конвенцию, благоприятную для трудящихся, а СССР ее подписывал, но в действие не вводил.) В этой же части говорится и о федеративном устройстве России, о ее месте в Содружестве и в мировом сообществе.

Все эти принципы составляют в целом тот стержень, вокруг которого строится весь проект.

«ОНС» Правда ли, что многие формулировки были взяты из конституции ФРГ?

В. К. Это преувеличение. Мы изучили и использовали опыт множества конституций: европейских, латиноамериканских, японской — все они принимались в конце 40-х годов и в более позднее время. Может быть, некоторые формулировки и наводят мысль о таком влиянии. Скажем, формула «собственность обязывает», употребленная в одном из прежних вариантов проекта. Она содержится в германской конституции 1949 года. Но ведь эта идея проводится в жизнь законами почти всех современных государств. Собственность рассматривается не только как право собственника делать все, что он хочет, со своей вещью, но и как его обязанность делать это таким образом, чтобы в результате осуществлялась социальная функция объектов его права собственности и чтобы использование этих объектов отвечало всеобщим интересам. Мы исключили названную формулу из текста

проекта, но ее повторили в альтернативном проекте ДДР А. Собчак и С. Алексеев, истолковав ее содержание только как обязанность собственника платить долги.

«ОНС» Стало быть, ваш проект в отношении собственности расставляет все точки над «i»?

В. К. Проблеме собственности посвящено несколько статей, в которых идет речь и о частной собственности в ее индивидуальной и коллективной формах, и о собственности, которую юристы называют публичной, т. е. государственной (федеральной, республиканской, краевой, областной) или муниципальной (принадлежащей району, городу, поселку и др.). Здесь мы ориентировались на старый и новый опыт нашей страны и учитывали полезные стороны законодательства и практики многих других стран. Это относится как к правам и обязанностям собственника, так и к государственному регулированию этих отношений. Такое регулирование особенно выражено по отношению к недвижимости, а также к земле, водам, недрам, лесам, ресурсы которых ограничены. Собственность объявляется неприкосновенной, но в то же время собственник не имеет права оставить свою недвижимость неиспользованной, землю — невозделанной и т. д.

«ОНС» А если все же оставит?

В. К. Тогда государство применит к нему экономические или иные санкции или, как минимум, обяжет его использовать собственность определенным образом. Например, в той же Германии любая поземельная сделка — продажа, дарение, наследование и т. д. — возможна лишь с разрешения государственного органа, который должен подтвердить экономическую целесообразность сделки. По этой причине из числа возможных приобретателей сельскохозяйственных участков исключаются старики или некомпетентные в сельском хозяйстве люди — они не могут быть ни покупателями, ни наследниками (в крайнем случае им выплачивается компенсация).

Либеральная конституция в духе XVIII в. сейчас уже невозможна. Тогда собственник был совершенно свободен и делал, что хочет. Потом появились исключения: так, во Франции Наполеон I заставил всех землевладельцев обрабатывать землю, даже если им это было невыгодно, а Наполеон III заставлял владельцев горных земель сажать там леса. Теперь эти исключения в значительной мере вошли в практику.

Для современных конституций характерно сочетание ограниченного, но защищенного права собственности с государственным регулированием. Тем самым обеспечивается выполнение этой собственностью социальных функций, ее служение всеобщим интересам.

«ОНС» Раз так, то и какие-то антимонопольные нормы должны быть предусмотрены?

В. К. Разумеется. В нашей литературе слишком долго и несправедливо высмеивалось западное антимонопольное законодательство. О нем писали, что оно лживое, притворное, что на самом деле государство там служит монополиям и т. д. А государство в этих странах в гораздо большей степени служило общественному благу и обслуживало повышение эффективности производства. Они ведь тоже поняли то, что нам разъяснил еще В. Ленин: что всякая монополия ведет к загниванию. Теперь у них антимонопольное законодательство стало довольно жестким.

«ОНС» Понятно, что у нас положение особое: поскольку основным монополистом является государство, оно как бы вынуждено, законодательно ограничивая монополию, ограничивать самое себя. Видимо, в этом одна из причин, почему «разгосударствление» идет так туго?

В. К. Вероятно, коренная причина у нас та же, что и на Западе... Ведь и там до сих пор проблема исчерпывающим образом не разрешена. Во-первых, в руках монополий большая политическая власть, которую они активно

используют. В законодательстве многих стран есть, например, норма, согласно которой производитель какого-либо вида продукции, сосредоточивший в своих руках 30% ее предложения на рынке, уже считается монополистом. А у нас есть объединения и заводы, являющиеся вообще единственными производителями той или иной продукции на весь бывший Советский Союз.

Во-вторых, здесь есть еще психологическая или, может быть, идеологическая причина. На протяжении многих лет нам внушалось примитивное, ошибочное представление, что чем больше предприятие, чем крупнее производство, тем лучше. В действительности при каждом уровне развития производительных сил существуют оптимальные размеры предприятия — и минимальные, и максимальные, — из пределов которых оно не может выйти, не потеряв своей эффективности. Наша гигантомания (а у нас самая большая в мире доля очень крупных предприятий) — это предрассудок, который трудно преодолевается. До сих пор в газетах пишут, что индустриальные гиганты — основа нашей экономики. Это можно сказать лишь о некоторых из них. Остальные — главные ее разрушители!

«ОНС» Наверное, это не единственный предрассудок, который затрудняет создание цивилизованных законов...

В. К. Да, до сих пор сохраняется, например, острое предубеждение против всех форм частной собственности, особенно индивидуальной, и необоснованное предпочтение отдается государственной собственности. Нет твердого, глубокого осознания того, что из всех существовавших когда-либо форм собственности везде, во всем мире государственная является наименее эффективной, наиболее убыточной, наименее справедливой, наиболее эксплуататорской — а в наших условиях даже свирепо эксплуататорской.

В так называемых капиталистических странах Запада государственная собственность существует главным образом в двух случаях. Первый — если к власти приходят социалисты или лейбористы и начинают свои полусоциалистические эксперименты. Это неизбежно сказывается через несколько лет: происходит ухудшение экономической ситуации, а вследствие этого — потеря власти и ограничение таких экспериментов.

Второй случай — когда надо развивать какую-то общественно необходимую сферу производства, настолько дорогую и неприбыльную, что частный капитал в нее не идет. Пример — американский ядерный проект во время войны. Или другой пример: огромная (более 2 тыс. кв. км) осушенная территория дна залива Зейдер-Зее в Голландии, где земля является исключительной государственной собственностью. Так много средств потребовалось, чтобы осушить дно залива, построить там дамбы и тому подобные сооружения, создать фермы, да еще постоянно поддерживать все это хозяйство, чтобы море снова его не затопило, что осилить это может только государство.

Мы же абсолютизировали государственную собственность, сделали из нее фетиш. И такого рода предрассудки — пожалуй, одна из главных помех на пути к новой конституции. Причем члены Конституционной комиссии и эксперты встречают их не только среди населения, но и среди депутатов Верховного Совета.

«ОНС» Да, уже совершенно очевидно, что состав Верховного Совета не самый квалифицированный...

В. К. Отчасти. Но, может быть, это как раз и является некоторым признаком демократизма нынешней политической системы. Наш депутатский корпус отражает, хотя, наверное, не очень точно, образ мыслей народа.

«ОНС» Но если следовать этой логике, тогда получится, что народ всегда прав? Или все-таки правы наиболее просвещенные и передовые его представители?

В. К. Нет, я не думаю, что народ всегда прав... Гитлер получил свою

власть, бесспорно, не без поддержки большинства немецкого народа. Когда он начал вторую мировую войну, то первые два-три года успехов еще увеличили его популярность, и германский народ за некоторыми исключениями поддерживал гитлеризм в завоевании и угнетении других стран и народов...

«ОНС». Аналогии с Германией 30-х годов лежат на поверхности: тяжелое экономическое положение, национальные обиды, стремление увидеть врага в инородце, популярность лжесоциалистической идеологии, даже наличие «бесноватых» лидеров... Что вы об этом думаете?

В. К. Это очень важная проблема, в том числе и с точки зрения конституции. Мы исходим из того, что каждый народ желает сохранять себя как этнос, сохранить свою культуру и иметь собственную государственность, и он имеет на это право. Может быть, далеко не все со мной согласится, но я думаю, что это относится не только к Литве, Грузии или Молдове, но также и к Чечне, Туве, Карабаху и т. д. Здесь есть вещи, которые трудно осознаются, потому что люди опять-таки отягощены предрассудками.

Я придерживаюсь того мнения, что Советский Союз никогда не был добровольным союзом государств; это была унитарная империя, державшаяся на лжи и насилии. А Россия была органичной частью этой империи. Сталинская фантазия разделила наши нации на четыре категории, одним отделив один статус, другим — другой, а фактическое их положение было одинаковым.

Мы должны понимать, что силой удержать какой-то народ в составе России невозможно, но можно и нужно придать политической, экономической, социальной и культурной жизни в России демократический, справедливый характер, придать межнациональным отношениям, статусу государств — субъектов Российской Федерации такой характер, при котором никому бы и не захотелось выходить из ее состава, даже при наличии права на это.

Применение насилия кое-кому сейчас рисуется как возможность спасти распадающееся государство и даже вернуть к жизни Советский Союз. Все это мне представляется очень опасной игрой на патриотизме народа. И эта игра иногда приобретает исключительно циничный и грубый характер. Под предлогом священной защиты якобы исконно русских земель нас призывают не возвращать Японии четыре бесспорно японских острова. Но за предлогом стоит истинная — совсем иная! — цель. Люди, которые ее добиваются, очень хорошо понимают, что из всех имеющихся в мире капиталов, которые могли бы быть обращены на помощь нашей стране, более 60% принадлежат Японии. Испортить отношения с Японией, не позволить ей оказать помощь, ухудшить положение в стране — вот их истинная цель.

«ОНС» Вы считаете, что при всем их показном патриотизме для них «чем хуже, тем лучше», поскольку это открывает им дорогу к власти?

В. К. Совершенно верно. Другой пример этого рода мы наблюдаем по отношению к Германии. «Не допустить восстановления немецкой автономии!» — для этого сознательно формируется общественное мнение, целенаправленно подогреваются в народе антинемецкие настроения.

Полезно было бы вспомнить, что в годы второй мировой войны несколько десятков миллионов граждан немецкого происхождения имели Соединенные Штаты. Немцы составляли заметную часть американской армии! Они воевали за Америку — да и за Германию — против фашизма, и сторонников Гитлера среди них не было. Практически не было таких и среди немецких граждан СССР — этих честнейших и трудолюбивейших граждан, которым из-за ложных обвинений пришлось несправедливо пострадать (депортация, лишения, ликвидация автономии на Волге и пр.). Сейчас, вопреки закону,

их автономия все еще не восстановлена, и именно в то время, когда Германия уже проявила готовность нам помочь.

Испортить отношения с Германией, с Японией, сравить Украину и Россию из-за Крыма, посорить Россию с Казахстаном из-за некоторых казахстанских территорий (а это значит и со всеми мусульманскими республиками), сорвать демократизацию страны, экономические реформы — вот смысл такой политики.

Игра эта идет по всем линиям с одним расчетом: чтобы положение в стране стало как можно тяжелее, а в результате народное недовольство возросло бы как можно сильнее, и вину за это можно было бы возложить на нынешнее политическое руководство России и, воспользовавшись ситуацией, опираясь на люмпенские массы, вернуться к власти.

«ОНС» Каким же вам видится выход из положения?

В. К. Мне кажется довольно поучительной современная ситуация в Западной Европе. Сближение стран ЮС, их взаимное доверие дошли до такой степени, что территориальные споры между Германией и Францией, Францией и Италией и т. д. ушли в прошлое, по-видимому, навсегда. Германоязычная часть граждан Франции в Эльзасе и Лотарингии, италоязычные французы на Корсике пользуются реальным и всесторонним равноправием и вовсе не стремятся к пересмотру границ, поддерживая современный принцип их нерушимости.

Признание этого принципа бывшими республиками бывшего СССР, взаимное гарантирование не только социально-экономических и политических, но и национально-культурных прав граждан, допущение двойного гражданства на фоне укрепления взаимоотношений между этими республиками при отказе от любого насилия — все это необходимо для России, как и для других государств «ближнего зарубежья».

Кроме того, я думаю, что самое бесполезное и опасное, что можно делать, — это продолжать поиски врагов в других республиках, предъявлять к ним претензии и осыпать обвинениями. Хотя я не солидаризируюсь со всеми действиями лидеров этих государств и не все их заявления поддерживаю.

«ОНС» Вы говорите о Л. Кравчуке?

В. К. Например, о Кравчуке. Когда украинский президент заявил, что Черноморский флот должен принадлежать только Украине, то и ответ получил на том же уровне: нет, только России! Но поскольку как весь советский флот, так и этот создавался силами и средствами всех бывших союзных республик, он и должен быть между ними справедливо поделен — если, конечно, до этого дойдет дело. Кажется, к тому оно и идет.

Нельзя забывать о том, что суверенные государства имеют право на собственные вооруженные силы; СНГ государством не является и поэтому в виде исключения может и должно сохранить в общем ведении лишь ядерные вооружения — по понятным соображениям, которые разделяет весь мир.

«ОНС» Почему же НАТО и ООН имеют свои объединенные вооруженные силы, не являясь государствами?

В. К. Извините, речь идет о единых вооруженных силах СНГ, а не об объединенных вооруженных силах НАТО или миротворческих силах ООН, которые формируются из частей, продолжающих принадлежать армиям отдельных государств — членов этих организаций. В нашем случае наиболее вероятен вариант, когда одновременно будут существовать *единые* вооруженные силы — ядерные, *объединенные* вооруженные силы СНГ и *армии* суверенных государств. Хотя пока не все государства СНГ согласны участвовать в объединенных силах.

«ОНС» Нет согласия по вопросу об армии, нет его и в межнациональных отношениях... Реально ли вообще принятие новой конституции? Ведь не-

известно даже, каковы границы того государства, которые она закрепляет; а вдруг завтра захочет отделиться не какой-то этнос, а, скажем, Дальний Восток или Тюмень?

В. К. Это вполне реальная проблема. Если тяжелое экономическое положение будет тянуться долго, то не исключено усиление регионального русского сепаратизма. И тогда за отделение от России будет бороться какая-то область с русским населением, которая решит, что она при своих природных богатствах лучше проживет одна, тратя эти богатства по своему разумению, а не отдавая их неизвестно на какие цели российскому центру.

Главная причина такого сепаратизма — неэффективное управление экономикой, неповоротливость всей народнохозяйственной системы. И только реальное оздоровление экономики и повышение уровня жизни убедит всех, что вместе все-таки лучше.

Я уже говорил об оптимальных размерах производства. Здесь та же проблема. В громадном государстве, имеющем такие территорию, экономику, население, как Россия, решение всех задач из одного центра невозможно. Разговоры о едином народнохозяйственном комплексе и т. п. — большое преувеличение.

Когда существовавшие в Западной Европе суверенные государства, я бы сказал, пресытились своей самостоятельностью, до конца использовали все возможности внутреннего рынка и до предела развили простую международную торговлю, возникла почва для их интеграции, открывающей новые перспективы развития. Этим и объясняется их нынешнее постепенное, тщательно выверяемое сближение, введение единых правовых норм, единой валюты и т. д.

У нас же обоснованы не только стремление к самостоятельности республик, но и имеющие отчасти ту же природу зарождающиеся настроения русского регионального сепаратизма. Они в большой степени выражают недовольство неэффективностью управления и косностью центра, а не только эгоистическое стремление местных чиновников взять себе побольше власти.

«ОНС» То есть вы считаете, такое разделение было бы благом?

В. К. Нет! Я считаю благом совсем другое решение вопроса. Благом для нас — конечно, с оговорками — была бы система, в чем-то похожая на ту, к которой движется Западная Европа. Нам нужно сохранить центр. Но он не должен заниматься решением текущих локальных и региональных вопросов. В его компетенцию входили бы внешнеполитические дела, оборона страны, финансовая политика и эмиссия денег, федеральные налоги, координация, согласование развития республик и регионов. Но решение огромного числа неключевых, нестратегических вопросов, которыми сейчас занимается центр, должно переместиться вниз.

Именно это имелось в виду, когда в первоначальные проекты конституции мы закладывали превращение всей России в федерацию, субъектами которой были бы не только этнические, но и российские региональные республики (земли). Они должны перестать быть только административно-территориальными единицами, только областями и краями; им должны быть переданы права (конечно, лишь в определенной, точно отмеренной степени) самим издавать законы по местным вопросам — в соответствии с конституцией и федеральным законодательством. Многие «оперативные» функции всех российских властей также должны быть переданы вниз — республикам, областям, краям или их объединениям, которые мы условно называем «землями».

Только на этой основе в такой громадной стране, как наша, с ее огромным разнообразием местных условий может быть создано эффективное разделение труда между центром и регионами. Нельзя иметь такие федеральные законы о землепользовании, о местном самоуправлении и др.,

которые бы одинаково подошли, скажем, и для Кубани, и для Таймыра. Такой закон был бы чистой абстракцией, мог бы содержать лишь самые общие принципы. Мы же хотим, чтобы практические отношения в обществе регулировались, главным образом, законом, а не свободным усмотрением чиновников и не подзаконными актами. Для этого закон должен быть конкретен и достаточно детален, а такого закона для всей России, с ее великим многообразием условий, в Москве не выработать.

Вместе с тем представляется нецелесообразным предлагаемое некоторыми политическими группами создание в составе Российской Федерации наряду с существующими ныне республиками еще одной — Русской, которая объединила бы все края и области России. Прежде всего потому, что это была бы громоздкая республика, внутри которой возникла бы та же проблема децентрализации власти и регионализации. Ее создание придало бы всей Федерации очень несимметричную структуру, крайне неудобную для управления страной. Кроме того, в условиях равенства субъектов Российской Федерации население «Русской республики» — более 80% всего населения России — имело бы в верхней палате парламента несоразмерное представительство: всего 4—5% состава. Русскоязычные граждане других республик, составляющие более половины населения в Якутии, Бурятии и т. д., могли бы почувствовать себя как бы «отделенными» от России.

Мы же предлагали создание не одной, а нескольких региональных русских республик в составе Российской Федерации. Жаль, что это не получило поддержки. В Канаде наряду с франкоязычным субъектом федерации есть еще девять англоязычных. В Швейцарии три основных этноса составляют 23 субъекта федерации...

«ОНС» Получается, что те же претензии, которые предъявлялись бывшими союзными республиками бывшему союзному центру, теперь адресуются российскими автономиями и регионами российскому демократическому руководству, которое когда-то так сочувствовало отделившимся Прибалтийским государствам...

В. К. Действительно, некоторое сходство существует. Но я склонен, как уже было сказано, отчасти его оправдать. Переход к разумным мероприятиям по децентрализации был бы очень удобен и легок в благополучных политических и экономических условиях. Однако в нашей ситуации политической нестабильности возникает объективная потребность в сохранении централизации.

Известны случаи, когда назначавшиеся президентом руководители местной администрации проводили политику, не соответствующую его указаниям. Поскольку Россия пока еще не имеет своей армии и некоторых других атрибутов государственности, то сейчас передача власти на места объективно усилила бы сепаратистские тенденции. А задача все-таки состоит в том, чтобы сохранить Россию, ее единство; если же распад окажется неизбежен, то свести его к минимуму. Решив эту задачу, можно будет строить систему отношений между центром и местами.

Есть еще одно соображение, которое кажется — но только на первый взгляд! — не связанным непосредственно с нашей темой. Мне оно представляется чрезвычайно важным. Речь идет о демографической ситуации, в которой находится Россия, и в первую очередь русский народ.

Чрезвычайное перенапряжение, которому наш народ подвергается почти без перерыва с 1914 г., сильно изменило его традиционный, исторически сложившийся образ жизни. Прежде всего принципиально изменилось его демографическое поведение. Еще лет 20—25 назад в Центральной России было всего 2—3 области, в которых смертность превышала рождаемость. Сейчас только в этом регионе их около 30. По России в целом смертность превышает рождаемость, и надо еще учесть, что сюда входят и некоторые мусульманские народы России — татары, башкиры, — у которых демогра-

фическая ситуация пока благополучная. Если же взять только русское население, то окажется, что количественное его сокращение не только нарастает, но и сопровождается, как сейчас пишут некоторые медики, качественным ухудшением.

«ОНС» Вы имеете в виду пьянство, «утечку мозгов»?

В. К. И не только это. По наблюдениям педагогов, год от года увеличивается число умственно неполноценных детей в школах. Причин много: и потеря генофонда, и «утечка мозгов», и обширное пьянство, и плохие экологические условия...

«ОНС» Но ведь плохие экологические условия, как и все другое, воздействует не разбирая, русский ты или татарин...

В. К. В качественном отношении — вероятно, но количественный результат неодинаков. Историческое значение этого почти векового перенапряжения для будущего России крайне неблагоприятно. Россия занимает громадную территорию, причем районы к востоку от Урала слабо заселены. А рядом находятся страны, переполненные населением, где происходит его стремительный рост,— это и Средняя Азия, и Китай, и Япония, и др. Перспективы в связи с этим могут быть довольно мрачными, ведь уже сейчас мы иногда вынуждены ввозить рабочих из других стран.

Если всерьез думать об этом, то, мне кажется, нужно создать условия для того, чтобы русский народ мог постепенно перейти к более эффективному демографическому поведению, изменив сложившиеся стереотипы, чего в нашей ситуации добиться чрезвычайно трудно. Демографы считают: чтобы народ был жизнеспособным и развивался, нужно иметь не так, как сейчас, одного, редко двух детей на семью, а в среднем по 2,5—3 ребенка на каждую женщину. В нынешних тяжелых экономических условиях это представляется невозможным.

Из этого я делаю вывод, с которым, возможно, многие не согласятся. Россия нуждается в изменении сложившейся демографической ситуации — может быть, для выживания нации это не менее важно, чем преодоление экономического кризиса. Но для этого России необходимо, прежде всего, полностью отказаться от великодержавных, милитаристских амбиций. Она не в состоянии больше играть роль сверхдержавы, претендующей на то, чтобы все в мире решалось с ее согласия. Такую армию, которой требует эта роль, Россия больше содержать не может. Ей нужны вооруженные силы только в пределах оборонной достаточности.

Всякие споры с Украиной нужно прекратить, договориться о том, что мы здесь не обижаем украинцев, а они у себя не обижают россиян. Нам следует отказаться и от претензий к Казахстану. Представьте себе, что идея, с которой носятся определенные круги — отобрать у Казахстана несколько областей с преобладающим русским населением,— стала бы официальной российской политикой.

Что последует? Казахстан напомним о том, что он еще во время гражданской войны был вновь завоеван, что советская власть была ему навязана силой, что в процессе коллективизации, которая пришла из Москвы, вымерла половина — 50%!—казахского народа, что освоение целины, по мнению тогдашнего советского казахского правительства, было просто-напросто новой колонизацией Казахстана, в результате чего доля казахского населения в республике упала с 60 до 28% (теперь, правда, она повысилась до 42%). Справедливо ли после этого требовать передачи России тех частей территории Казахстана, где русскоязычное население составляет большинство?

Если бы мы стали настаивать, то Казахстан поддержала бы вся Средняя Азия, за ней — зарубежный исламский мир, от Индонезии до Марокко. Там и сейчас есть сильные антирусские движения, которые заявляют, что надо наконец «освободить всех советских мусульман от русского завоевания».

Некоторые деятели этого рода, например в Азербайджане, еще два года назад выступали с призывами «отобрать у русских» все «мусульманско-тюркские земли» — Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ, Крым.

А если еще при этом Россия ввязалась бы в большую войну, то демографические последствия для нее обернулись бы катастрофой. России нужны прочные мирные границы с дружественными соседями. На протяжении длительного времени ей надо работать не на армию, не на бюрократию, не на безвозмездную поддержку Кубы, Вьетнама, Анголы и т. д., а заняться внутренней российской ситуацией.

«ОНС» Но ведь это, кажется, уже осознано? Во всяком случае, помощь «революционным» режимам прекращена.

В. К. По-моему, еще далеко не полностью осознано. Хотя, конечно, шаги к этому делаются, даже намечается сокращение армии. Но этого мало; нужен сознательный, организованный, планомерный переход к такой политике. Нужно заняться наконец поднятием русской глубинки, где уже вымерли десятки тысяч деревень и продолжают вымирать новые десятки тысяч; этот процесс захватывает уже и небольшие города.

«ОНС» Помимо тяжелой экономической и демографической ситуации мы имеем и сильную поляризацию взглядов в обществе, граничащую с расколом. Многие открыто тоскуют по застою, по административно-командным методам. Можно ли вообще надеяться, что в таких условиях новая конституция будет выполняться?

В. К. Конечно, с принятием новой конституции не изменилось бы тотчас правовое сознание, а отчасти и поведение нашего народа. В нем выражаются и исторические факторы (никогда на Руси законы особенно не соблюдались), и недовольство населения, и многое другое. Но прежде чем требовать от людей соблюдения законов, надо иметь, что соблюдать. Сейчас законодательство в нашей стране таково, что самый законопослушный гражданин оказывается порой в сложном положении, не зная, какой из противоречащих друг другу законов ему выполнять.

В действующей ныне конституции закреплён целый ряд устаревших догм. Например, она содержит лозунг «вся власть — советам», а между тем мы уже приняли принцип разделения властей. Исходя из этого принципа, Президент и Верховный Совет имеют одинаковый источник власти (и тот, и другой избраны всем народом), поэтому их власть равноценна. Многим депутатам это не нравится, они хотят считать Верховный Совет высшей властью, памятуя старый лозунг.

Можно назвать целый ряд подобных догм, и никакие поправки, уже внесенные в старую конституцию, даже взятые из проекта новой конституции в большом количестве, не изменят ее сути полностью. Они лишь сделают ее еще более противоречивой, подобной лоскутному одеялу. Если же мы примем новую конституцию, логически построенную, согласованную во всех своих частях, утверждающую новые принципы, представляющие для нашей страны большой шаг вперед, то те, кто хочет знать и исполнять закон, будут иметь, что знать и исполнять.

Кроме того, некоторые идеи нашего проекта конституции уже понемножку вводятся и в текущее законодательство (в чем-то противореча старую конституцию). Могу привести в пример Закон о гражданстве РФ, в подготовке проекта которого я участвовал. В нем предусмотрено запрещенное прежде двойное гражданство. Мы перестали рассматривать гражданство как принадлежность человека определенному государству; мы его толкуем как двустороннюю связь между человеком и государством, которые имеют друг перед другом взаимные права и обязанности.

И это влияет на практику: так, теперь лишить российского гражданина гражданства Российской Федерации нельзя. Сам гражданин, если он того желает, имеет право выйти из гражданства, но государство лишить его

гражданства не может. Почему? Да потому, что государство принадлежит гражданам, а не наоборот. Преимущество государства перед гражданами, их первостепенная обязанность подчиниться ему существует только в определенных, исключительных случаях (например охрана государством прав и свобод других граждан, военная служба, война, стихийное бедствие и т. п.).

«ОНС» «Государство принадлежит народу» — это может восприниматься как коммунистическая фразеология, если отсутствуют реальные механизмы, позволяющие этой формуле действовать.

В. К. Вот для того-то и нужна новая конституция, закладывающая фундамент новой политической и правовой системы. В соответствии с принципом разделения властей недавно был создан один из таких механизмов — Конституционный суд РФ, который начинает играть важную роль, вводя в конституционное русло высшие структуры власти, если они отклоняются от нерушимых требований Основного Закона.

Кстати, спор о характере этой новой конституции неожиданно активизировался в марте-апреле 1992 г., когда к официальному проекту вдруг прибавились еще три, опубликованные вне сроков и установленной процедуры. Их цель, по-видимому, одна — дезорганизация обсуждения новой конституции и срыв ее принятия. Эти проекты не содержат разделов об экономике, общественных объединениях и других проблемах гражданского общества, что делает их явно несовременными.

Еще более спорен вопрос о характере власти в стране. Проект «Коммунистов России» предусматривает создание парламентской республики с ограниченными функциями президента и правительством, всецело подчиненным парламенту. Проект Движения демократических реформ (А. Собчак, С. Алексеев и др.), а также проект группы С. Шахрая — президентскую республику с мощной исполнительной властью. Официальный проект занимает промежуточное положение. На мой взгляд, вполне обосновано решение уточнить его в соответствии с предложениями Б. Ельцина, усилив власть президента. Ведь без сильной власти президента и предлагаемого им правительства невозможно осуществить ту огромную работу, которая необходима для преодоления кризиса, проведения глубоких реформ, подъема уровня благосостояния народа.